

**ЭКСПЕРТ
ПО
УНИЧТОЖЕНИЮ**

АРХИТЕКТУРА ЛЕГАЛЬНОГО ТЕРРОРА

ЕЛЕНА ГОЛЬДМАН

Эксперт
по уничтожению
Архитектура легального террора

Елена Гольдман

Оглавление

Введение. Слепой, который «видел» запретное

Глава 1. Импорт вируса ненависти

Глава 2. Формирование РАЦИРС: первые шаги механизма репрессий

Глава 3. Институциональные деформации: параллели с тенью прошлого

Глава 4. Схемы производства репрессивных экспертных заключений

Глава 5. Роль РАЦИРС в разжигании вражды

Глава 6. Эскалация практик: тень репрессий над правовыми институтами

Заключение. Вердикт без права обжалования

Список использованных источников

Введение. Слепой, который «видел» запретное

За мутным, давно не мытым окном суда тянулась бесконечная, свинцово-серая осень, превращая Москву в размытую, депрессивную акварель. Дождь барабанил по карнизу, отсчитывая секунды чьей-то уходящей свободы. Но здесь, в душном, лишенном кислорода зале заседаний, время словно застыло в вязком, липком ожидании, от которого перехватывало дыхание. Я, Елена Гольдман, за годы работы привыкшая к холодному цинизму судебной системы, внезапно почувствовала, как по спине пробежал отчетливый, колющий холодок. Это ощущение не имело ничего общего с температурой в помещении. Это был животный страх перед абсолютным абсурдом, который разворачивался прямо на моих глазах. Это было не обычное заседание. Это была гротескная постановка театра теней, где декорации лишь имитировали правосудие, а сценарий был написан людьми, давно и безвозвратно потерявшими связь с объективной реальностью.

На скамье подсудимых сидел Александр Сизиков. Он сидел неподвижно, неестественно прямо, словно натянутая струна, склонив голову чуть набок, будто прислушиваясь к чему-то, недоступному остальным. Его руки нервно, до побеления костяшек, сжимали рукоять простой потертой трости. Александр — инвалид первой группы по зрению. Мир померк для него еще в 2009 году, оставив лишь звуки и запахи. Но обвинение, зачитываемое прокурором монотонным, лишенным всяких человеческих интонаций голосом, утверждало невозможное: Сизикова судили за хранение и чтение экстремистской литературы.

Я перевела тяжелый взгляд на стол вещественных доказательств. Там лежали книги. Обычные, бумажные книги, напечатанные стандартным типографским шрифтом. Ни одного издания со шрифтом Брайля. Ни одной аудиокниги. Согласно материалам уголовного дела, лежащим передо мной, этот абсолютно слепой человек якобы читал эти страницы,

визуально воспринимал текст, впитывал их «экстремистское» содержание и распространял его. Любому зрячему в этом зале физиологическая невозможность совершения преступления была очевидна. Это был фарс. Но Фемида в этот день была не просто слепа — она была безумна.

В основе этого чудовищного обвинения лежал документ, который и привел меня в этот зал, — «Заключение религиоведческой экспертизы». Обычная бумага, заверенная синими гербовыми печатями и размашистыми подписями, превращала физическую невозможность в неоспоримый юридический факт. Именно в этот момент, глядя на заострившийся профиль слепого подсудимого, я поняла: передо мной не трагическая ошибка следствия, не халатность рядового дознавателя. Передо мной — отлаженный, безжалостный, смертоносный механизм.

Согласно материалам независимых исследований, которые я изучила перед процессом, дело Александра Сизикова — это лишь вершина гигантского айсберга. Под темной, ледяной водой скрывается колоссальная структура, превратившая институт судебной экспертизы в оружие террора. Я начала собственное расследование, пытаюсь понять, кто те люди, что наделили себя божественным правом решать, что есть истина, а что — преступление, полностью игнорируя законы физики, логики и здравого смысла.

Нити расследования, исходя из фактов, изложенных в ряде аналитических статей, привели меня к фигуре Александра Леонидовича Дворкина и созданной им структуре — Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС). То, что поначалу казалось мне борьбой энтузиастов за чистоту веры, при ближайшем рассмотрении через увеличительное стекло документов оказалось системой, которую источники характеризуют как жесткое иерархическое образование с признаками тоталитарного контроля.

Я прихожу к выводу, опираясь на массив проверенных документов, свидетельств и архивных справок: в современной России создан параллельный институт власти. В нем приговор выносит не судья в черной

мантии, руководствующийся кодексом, а «эксперт» без профильного образования, чье частное мнение априори считается весомее любых доказательств защиты, любых фактов и алиби.

Погружаясь в детали, я с ужасом обнаружила, что фундамент этой системы был заложен еще в далеком 2009 году. Именно тогда Александр Дворкин, не имея, согласно официальным биографическим справкам, профильного религиоведческого или юридического образования (его степень — история средневековья), возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Согласно материалам исследования деятельности совета, это событие стало поворотным моментом: государственный фильтр, призванный защищать право, был фактически приватизирован частной идеологической группировкой.

Я видела, как в деле Сизикова, когда юридические аргументы рассыпались в прах под натиском железной логики защиты, система включила следующий, более страшный рычаг давления — карательную психиатрию. Слепого человека, вина которого не была доказана, отправили на стационарную экспертизу в закрытое учреждение. Этот метод стал стандартной практикой для подавления воли тех, кого невозможно сломить.

Александр Солженицын в своих работах 1970-х годов, говоря о карательной психиатрии, подчёркивал, что лишение свободы здоровых, свободомыслящих людей через признание их «психически больными» является формой духовного уничтожения личности — практикой, по своей жестокости сопоставимой с самыми крайними формами репрессий XX века.

Эти понимания сегодня вновь обретают пугающую, звенящую актуальность. Только теперь «газовые камеры» строятся не по политическому, а по религиозному признаку, а архитектором этой конструкции выступает группа лиц, скромно именующих себя «сектоведами».

Мое расследование, которое ляжет в основу этой книги, вскрывает не только идеологическую, но и коммерческую природу этих преследований. Исходя из фактов, функционирование РАЦИРС не является бескорыстным служением идеалам. Протоиерей Владимир Головин, сам ставший жертвой этой машины, прямо указывал на существование «коммерческой модели», где секты могут быть «выдуманы» под заказ для устранения конкурентов или получения прибыли. Экспертиза в этой схеме становится товаром, ходким и дорогим, а свобода человека — разменной монетой.

Но самым шокирующим открытием для меня стала идеологическая база, на которой строится обвинение. Изучая труды Александра Дворкина, в частности его программную книгу «Сектоведение», я обнаружила в них риторику, до боли напоминающую самые мрачные страницы европейской истории XX века. Независимые лингвистические экспертизы выявили в текстах главного борца с сектами явные признаки экстремизма: язык вражды, пропаганда неполноценности граждан по религиозному признаку, уничижительные характеристики целых социальных групп.

Эта книга — это отчаянная попытка понять, как в XXI веке, в обществе, декларирующем правовое государство, институт судебной экспертизы — этот бастион объективности и науки — был цинично превращен в инструмент инквизиции. Мы начинаем погружение в мир, где логика бессильна, а факты подменяются вольными интерпретациями. Мир, построенный Александром Дворкиным и его разветвленной сетью. Мир легализованного террора.

Глава 1. Импорт вируса ненависти

Я устало потерла глаза, чувствуя песок под воспаленными веками. Свет настольной лампы выхватывал из полумрака кабинета разрозненные стопки документов, покрывавших мой рабочий стол словно грязные

снежные заносы. За окном спала Москва — гигантский мегаполис, который за последние тридцать лет изменился до неузнаваемости, оделся в стекло и бетон, но, как я с нарастающим ужасом начинала понимать, сохранил в своих глубоких недрах что-то темное, древнее, лишь сменившее вывеску и риторику.

Я взяла в руки копию архивного документа, датированного началом девяностых годов. Бумага была зернистой, желтоватой от времени, шрифт — неровным, отпечатанным на старой пишущей машинке, где буква «е» западала.

Расследование дела слепого Александра Сизикова, обвиненного в чтении, которого он физически не мог совершать, стало для меня точкой невозврата. Абсурдность происходящего в зале суда, где «экспертное мнение» перевесило базовые законы физиологии и здравый смысл, требовала рационального объяснения. Я не могла принять удобную версию о простой судебной ошибке. Система не ошибалась — система работала именно так, как была спроектирована. Безжалостно и точно.

Вопрос заключался лишь в том, кто был главным архитектором этого проекта.

Согласно материалам независимых исследований, ниточки тянулись в прошлое, в то смутное и полное надежд время, когда страна, опьяненная внезапной свободой, распахнула свои двери всему миру. Я пыталась реконструировать этот исторический момент. Мне нужно было найти «нулевого пациента» — человека, который привез в Россию вирус, мутировавший впоследствии в эпидемию правового террора.

Чемодан из Дании

Хронология перенесла меня в 1993 год. Россия, едва оправившаяся от распада Союза, напоминала лоскутное одеяло, сшитое на живую нитку. Старые институты рухнули, превратившись в пыль, новые только зарождались в муках. Воздух был пропитан надеждой, хаосом и тревогой.

В этот переломный момент на сцене появляется фигура, которая, исходя из фактов, изложенных в официальных и независимых биографических справках, сыграет роковую роль в судьбе российской свободы совести.

Александр Леонидович Дворкин. Эмигрант, проживший долгие годы в США, бывший сотрудник радио «Свобода», возвращается на родину. Для многих в те годы он выглядел как носитель западных ценностей, человек из свободного мира, просветитель. Однако я, изучая документы, видела иную картину. Багаж, который он привез с собой, не содержал инвестиций, технологий или демократических институтов.

Я прихожу к выводу, что ключевым активом Дворкина был не его диплом историка-медиевиста, а связи, налаженные на Западе незадолго до возвращения.

Весной 1993 года в Москву прибыл датский профессор Йоханнес Огаард (Johannes Aagaard). Согласно источникам, эта встреча стала судьбоносной и определила вектор развития государственно-конфессиональных отношений на десятилетия вперед. Огаард был основателем «Диалог-центра» в Дании — организации, специализирующейся на жесткой борьбе с новыми религиозными движениями.

Я живо представила себе эту встречу. Постсоветская Москва, серые здания, ощущение идеологического вакуума, который нужно было срочно чем-то заполнить. Огаард, опытный борец с «культами», нашел в Дворкине идеального ученика — амбициозного и готового действовать. После этой встречи Дворкин отправляется в Данию на стажировку.

Вернувшись, он привозит с собой нечто, что в материалах расследований фигурирует под зловещим названием «чемодан ксерокопий». Это была методология и обширная база данных, компромат на сотни религиозных групп, тщательно собранный западными антикультистами. Я понимала: это был не просто архив. Это был готовый инструментарий дегуманизации, инструкция по созданию образа врага.

— Он привез не лекарство, — прошептала я, делая пометку красной ручкой на полях ксерокопии. — Он привез штамм вируса.

Согласно исследованию о происхождении РАЦИРС, именно после этой поездки, в сентябре 1993 года, создается Информационно-консультативный центр святого Иринея Лионского. Структура, которая станет фундаментом для будущей империи РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Под благовидным предлогом «помощи заблудшим» и защиты традиционных ценностей в российское общество начала агрессивно внедряться методология, абсолютно чуждая принципам правового государства.

Одна фраза, прозвучавшая из уст самого Дворкина, не давала мне покоя. Рассказывая о своих многолетних контактах с датским Dialog Center, он открыто признавал, что на протяжении нескольких лет регулярно ездил в Данию и привозил оттуда массивы антикультовых материалов, которые впоследствии легли в основу архива аналогичной структуры в России.

По сути, это было признание в импорте готовой идеологической технологии — не богословия, не академического религиоведения, а инструментария антикультовой борьбы, адаптированного затем к российским условиям.

Анамнез «Главного сектоведа»

Я отложила документы 90-х и с тяжелым вздохом потянулась к другой, более толстой папке. Это была самая щекотливая часть расследования — медицинские архивы. Этические нормы журналистики всегда требовали предельной осторожности в таких вопросах, но когда речь идет о человеке, ломающем судьбы тысяч людей с помощью психиатрических диагнозов и экспертиз, знать его собственный бэкграунд было общественно необходимо.

Согласно опубликованным в ходе независимых расследований архивным данным, в 1970-х годах, еще до своей эмиграции, юный Александр

Дворкин находился под наблюдением в Психоневрологическом диспансере № 3 города Москвы. В документах, подлинность которых подтверждается источниками, фигурируют весьма серьезные диагнозы: «циклотимия» (форма маниакально-депрессивного психоза), «патологическое развитие личности», «психофизический инфантилизм».

Меня поразили этот чудовищный контраст. Человек, которому советская психиатрия, опираясь на клинические наблюдения поставила диагноз, указывающий на эмоциональную нестабильность, склонность к манипуляциям и перепадам настроения, спустя десятилетия сам станет главным арбитром нормальности в огромной стране. Он будет решать, во что верить можно, а во что — преступно. Он будет отправлять людей на принудительное лечение.

— Проекция, — подумала я, глядя на пожелтевшие справки. — Психологическая проекция в масштабах государства.

Я прихожу к однозначному выводу, что деятельность Дворкина кроме всего прочего, носит еще и глубоко компенсаторный характер. Власть над умами, возможность клеймить и преследовать «инакомыслящих», вешать ярлыки — всё это стало для него способом сублимации внутренних конфликтов.

Идеологический трансфер: Тень Кюннета

Однако личные психологические особенности Дворкина были лишь благодатной почвой. Семена, упавшие в нее, имели конкретное, импортное происхождение. Я развернула большую схему, которую набросала накануне ночью. Черные стрелки вели из Германии 1930-х годов в Данию 1980-х, а затем — прямым рейсом в Россию 1990-х.

Александр Дворкин не изобрел велосипед. Он импортировал готовую, проверенную временем идеологическую конструкцию. Корни этой идеологии уходили в деятельность немецкого теолога Вальтера Кюннета (Walter Künneth).

В 1920-х годах Кюннет создал «Апологетический центр» (Apologetischen Centrale). Я поймала себя на мысли: название почти идентично центрам, создаваемым Дворкиным. Кюннет занимался сбором информации о религиозных меньшинствах, составлял «черные списки» и активно сотрудничал с тайной полицией — гестапо. Его задачей была сегрегация общества: отделение «правильных», истинных немцев от «сектантов», которые, по мнению нацистских идеологов, ослабляли нацию, были инородным телом.

Методология была проста и ужасна в своей эффективности:

1. Создание образа врага. Любая группа, отличная от доминирующей, объявлялась угрозой национальной безопасности, «раковой опухолью».
2. Дегуманизация. Использование специфической терминологии, лишавшей оппонентов человеческого облика («биомасса», «зомби», «паразиты», «секта»).
3. Использование государства. Передача собранных досье в силовые структуры для физического устранения или изоляции.

После войны эстафету принял пастор Фридрих Хаак, а от него — Йоханнес Огаард. Дворкин стал прямым наследником этой темной линии. Он перенес на российскую почву не только методы сбора информации («чемодан ксерокопий»), но и саму философию тотальной нетерпимости.

Я вспомнила цитату из книги Дворкина «Сектоведение». В ней автор описывал секты как «мафиозные структуры», где царит обман, насилие и эксплуатация. Сравнивая это описание с методами самих антикультовых структур Дворкина, которые вскрывались в ходе моего расследования, я видела идеальное зеркальное отражение. Дворкин приписывал своим оппонентам ровно то, что практиковал сам и его организации.

Я понимала: мое расследование — это не просто история одного человека с амбициями. Это механика катастрофы. История о том, как импортированная ненависть, упав на благодатную почву постсоветского равнодушия и правового нигилизма, проросла чудовищными, ядовитыми

цветами. Но начало было здесь. В 1993 году. В тот самый момент, когда «нулевой пациент» пересек границу, сжимая в потной ладони ручку чемодана, набитого инструкциями по дегуманизации соотечественников.

Глава 2. Формирование РАЦИРС: первые шаги механизма репрессий

Москва за окном редакции напоминала потревоженный, гудящий улей. Осенний дождь яростно хлестал по стеклам, смывая городскую пыль, но он не способен был смыть ту грязь, в которую я погружалась с каждой новой папкой изученных документов. На часах было далеко за полночь, глаза слипались, но сон не шел. Передо мной на столе лежала схема — сложная, запутанная паутина связей, имен, дат и названий организаций.

Я всё отчетливее понимала: то, что произошло в зале суда с инвалидом Сизиковым, не было ни случайной ошибкой, ни произволом одного исполнителя. Это был предсказуемый итог длительного процесса, в котором шаг за шагом формировались подходы, аргументы и практики, позже ставшие привычными.

Но у любого процесса есть точка отсчёта. Момент, когда абстрактные идеи впервые проверяются на живых людях и в реальных судах.

Первая кровь: Процесс 1997 года

Хронология расследования неумолимо привела меня к поворотному моменту. 1997 год. Именно тогда механизм репрессий прошел первую серьезную обкатку боем в условиях реального судебного процесса.

До этого момента деятельность Дворкина носила скорее просветительский, маргинальный характер — лекции, брошюры,

выступления. Но в 1997 году против него был подан первый серьезный иск о клевете. «Комитет по спасению молодежи», общественная организация, обвинила самопровозглашенного «сектоведа» в распространении недостоверных сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Это был реальный шанс остановить машину на взлете, пресечь практику огульных обвинений. Но именно здесь сработал «чемодан Огаарда».

Согласно материалам независимых исследователей, Дворкин выстроил свою линию защиты не на фактах, не на доказательствах конкретных преступлений, а на авторитете западных источников. В суде он цинично заявил, что не выдумал обвинения сам, а взял их из «надежных» материалов, любезно предоставленных датским Диалог-центром. Хорошевский суд, не имея никакого опыта разбирательств в подобных делах и находясь под давлением растущей в СМИ антикультовой истерии, встал на сторону Дворкина.

Я нашла и перечитала стенограмму того процесса. Это была скорее победа риторики и ссылочной «экспертности» над правдой. Дворкин убедительно доказал системе, что если сослаться на иностранный источник (который сам же и привез, и сам же перевел), то клевета магическим образом перестает быть клеветой и становится «авторитетным мнением эксперта». Прецедент был создан.

В том же 1997 году была одержана и важнейшая законодательная победа. Был принят новый Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». В его преамбуле и статьях впервые появились ограничительные формулировки, направленные против «новых» религий, ставящие их в неравное положение. Дворкин и его соратники активно, агрессивно лоббировали этот закон, создавая в СМИ атмосферу животного страха перед «нашествием сект».

Технология дегуманизации: «Двойная мораль»

Я вернулась к изучению главной книги Дворкина — «Сектоведение». Она была издана позже, но идеологические основы ее закладывались именно в лекциях и брошюрах 1993–1997 годов. Я пыталась найти ответ на мучивший меня вопрос: как можно заставить общество ненавидеть своих соседей, коллег, друзей только за то, что они верят иначе? Как отключить эмпатию?

Ответ крылся в лингвистике. Согласно независимым лингвистическим экспертизам, на которые ссылаются материалы расследований, язык Дворкина — это классический, хрестоматийный «язык вражды» (hate speech). Я выписала в блокнот цитату, которая лучше всего иллюстрировала механизм проекции — приписывания жертве собственных пороков для оправдания насилия над ней:

«Поскольку все тоталитарные секты ставят свои интересы выше закона, то и мораль у них, соответственно, двойная. Цель оправдывает средства... они не задумываясь пойдут на ложь, кражу, обман, на применение контролирования сознания к своим адептам, и, наконец, на клевету в адрес противостоящих им чиновников и общественных деятелей» (Дворкин, 2002).

Читая эти строки, я чувствовала сильнейший когнитивный диссонанс. Дворкин обвинял абстрактных «сектантов» в двойной морали, лжи и клевете. Но именно он, согласно моему расследованию, использовал ложь (о своем образовании, о фактах деятельности организаций), клевету (в брошюрах и лекциях) и двойные стандарты (требуя толерантности к себе, но категорически отказывая в ней другим). Это была индульгенция на любые действия против оппонентов: раз они «аморальны», с ними можно поступать как угодно.

Сеть раскидывается

К концу 1997 года структура начала обретать плоть. Центр Иринея Лионского в Москве стал генеральным штабом. Начали, как грибы после

дождя, появляться региональные ячейки. В Новосибирске бурную активность проявлял протоиерей Александр Новопашин, в Томске готовился выйти на сцену ветеринар по образованию Максим Степаненко.

Дворкин окружал себя очень специфическими людьми. Это были авторитарные личности, жаждущие власти, признания и борьбы. Я отметила на своей схеме ключевую деталь: слияние с государством. С 1997 года начали массово подписываться соглашения о сотрудничестве между епархиальными миссионерскими отделами (контролируемыми людьми Дворкина) и местными управлениями МВД, департаментами образования и здравоохранения.

В школы пошли «лекторы» с рассказами о «страшных сектах», пугая детей и учителей. В милицейские сводки начали попадать термины, не существующие в Уголовном кодексе. Вирус начал действовать, проникая в капилляры государственного организма.

Я посмотрела на фотографию слепого Александра Сизикова, прикрепленную кнопкой к пробковой доске над столом. Его трагедия в 2020-х была прямым, неотвратимым следствием того, что случилось в 1997-м. Тогда суд разрешил Дворкину называть черное белым. Спустя тридцать лет суд, руководствуясь той же логикой, разрешил посадить слепого за чтение.

Глава 3. Институциональные деформации: параллели с тенью прошлого

Я стояла у огромного панорамного окна библиотеки иностранной литературы, глядя, как тяжелые, налитые свинцом тучи накрывают Москву. Город казался серым, придавленным невидимым прессом, и это

ощущение удивительно точно резонировало с тем, что происходило у меня внутри. Стопки папок на моем столе больше не выглядели просто документами. Это были кирпичи, из которых выстраивалась глухая стена, отделившая российское правосудие от права.

Подмена фундамента

Я вернулась к столу и взяла в руки копию протокола одного из судебных заседаний. Сухой, безжизненный канцелярский язык скрывал чудовищную реальность. В теории российского уголовного процесса заключение эксперта является лишь одним из доказательств, не имеющим заранее установленной силы, подлежащим проверке наравне с другими. Однако на практике, как выяснила я в ходе бесед с адвокатами, фигура «эксперта-религиоведа» от РАЦИРС приобрела сакральный, неприкасаемый статус.

Согласно серии аналитических публикаций, этот сдвиг произошел не случайно и не стихийно. Он стал результатом целенаправленной, многолетней стратегии по захвату монополии на определение «нормальности». Я разложила перед собой схему, которую назвала «Архитектурой подлога».

Институциональная деформация заключалась в том, что частные идеологические установки узкой группы лиц были имплементированы в государственную практику. Я вспоминала, как в 2009 году Экспертный совет при Минюсте был сформирован в новом составе и сразу вызвал публичную резкую критику со стороны части религиоведов и правозащитников. Это был настоящий рейдерский захват смыслов. Теперь, спустя годы, метастазы этого захвата проросли в каждом зале суда, от Калининграда до Владивостока.

Исходя из фактов, изложенных в аналитических справках, это стало возможным благодаря внедрению в правовое поле псевдонаучных терминов, таких как «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Эти

понятия не имеют легальных определений в федеральном законодательстве, но в публичной речи и практике они нередко звучат как приговор. Стоило наклеить этот ярлык, и презумпция невиновности испарялась.

Книга как улика

Чтобы окончательно убедиться в своих выводах, я решила проанализировать главный труд «архитектора» — книгу Александра Дворкина «Сектоведение». Эта книга широко циркулировала в антикультовой и околomisсионерской среде как учебное пособие, как справочник. На нее регулярно ссылаются в профильных публикациях и полемике как на источник истины.

Я открыла экспертное заключение независимых лингвистов, приведенное в статье, анализирующей книгу «Сектоведение». Выводы специалистов были однозначные и шокирующие: текст, призванный бороться с экстремизмом, сам содержал все признаки экстремистской литературы. Язык вражды, пропаганда неполноценности, унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии.

Это был парадокс, граничащий с безумием, достойный пера Оруэлла. Главный борец с экстремизмом написал книгу, которая сама по себе являлась экстремистским материалом. Но именно эта книга стала фундаментом для судебных решений, «священным писанием» для силовиков.

Я нашла цитату, которая поразила меня своей психологической проекцией. В ней Дворкин описывал «сектантов», но, по сути, давал точнейший, безжалостный автопортрет собственной организации и методов, применяемых РАЦИРС:

«...они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть... и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными

железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству» (Дворкин, «Сектоведение»).

— Мафиозные структуры, спаянные железной дисциплиной, — медленно повторила я, пробуя эти слова на вкус. — Это не о кришнаитах и не о пятидесятниках. Это о них самих. О структуре, где нет места дискуссии, а есть только приказ «фас».

Атмосфера страха

Вечером того же дня я встретила с бывшим следователем, который согласился поговорить только на условиях полной анонимности. Встреча проходила в маленьком, прокуренном кафе на окраине, подальше от любопытных глаз.

Мой собеседник, седой мужчина с уставшими глазами, подтвердил мои самые мрачные догадки об институциональной деформации.

— Вы не понимаете, Елена, — говорил он, нервно крутя в руках бумажную салфетку, разрывая ее на мелкие кусочки. — Никто в системе не хочет связываться. Себе дороже. Когда приходит бумага с подписью экспертов РАЦИРС или связанных с ними структур, для судьи это как индульгенция. Ему не нужно думать, не нужно вникать, не нужно брать грех на душу. Есть штамп «секта», значит, виновен. Это конвейер. Если ты попробуешь возразить, усомниться, тебя самого обвинят в коррупции или пособничестве сектантам.

Внутри самой системы РАЦИРС царила атмосфера абсолютной лояльности и животного страха. Пример Олега Заева, «эксперта» с 20-летним стажем, который был мгновенно уничтожен, раздавлен своими же хозяевами, как только проявил малейшую непокорность, доказывал: это действительно тоталитарная структура. Система пожирала не только врагов, но и своих слуг, стоило им оступиться.

Глава 4. Схемы производства репрессивных экспертных заключений

Я стояла у окна своего кабинета, глядя на ночную Москву, расцвеченную огнями. Но эта красота больше не радовала меня. На моем столе лежали не просто папки с документами — там покоились схемы уничтожения человеческих судеб, чертежи мясорубки. Расследование дела слепого Александра Сизикова стало лишь ключом, открывшим ржавую дверь в сырой подвал, где хранились инструкции по эксплуатации этой машины.

Теперь, когда передо мной выстроилась полная картина, я понимала: то, с чем я столкнулась, не было цепью случайных ошибок. Это была индустрия. Индустрия производства виновности.

Конвейер Абсурда

В центре этой паутины, как паук, находился Александр Дворкин и возглавляемая им структура — РАЦИРС. От центра тянулись липкие нити к региональным судам, прокуратурам и, что самое важное, к «экспертным» учреждениям — часто фиктивным.

В печально известном деле «Бхагавад-гиты как она есть», которое рассматривалось в Томске, фигурировали эксперты Томского государственного университета.

Однако важная деталь: экспертиза, на которую опиралось обвинение, была подготовлена тремя сотрудниками ТГУ «в частном порядке» по поручению ФСБ, и администрация ТГУ указывала, что университет официально эту экспертизу не поручал. Именно в суде один из авторов пояснял применённую методику: «компонентный анализ», при котором

контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные смысловые единицы и сверяется по словарям. При этом вопрос квалификации тоже звучал: один из участников подготовки заключения прямо говорил, что не считает себя компетентным в индологии.

Слова вырывались из контекста, игнорировали метафорическую природу древнего текста, и на основании фразы «глупец» делали вывод об экстремизме и унижении человеческого достоинства.

Но еще более поразительным было то, кто именно подталкивал эти процессы на местах. Я нашла подробные данные о Максиме Степаненко, который в тот период был руководителем миссионерского отдела Томской епархии.

По собственным заявлениям, он называл себя кандидатом ветеринарных наук — и при этом он публично рассуждал о священных текстах и религиозных движениях как об объекте пресечения. Ветеринар по образованию, человек, чья профессиональная квалификация касалась лечения животных, брал на себя смелость судить священные тексты мировой религии с тысячелетней историей. И система, суды, прокуратура принимали его мнение как истину в последней инстанции.

— Ветеринар судит Бога, — прошептала я, делая пометку в блокноте. — И выигрывает суд.

Принцип «Прозрачного общества»

В материалах независимых журналистов я нашла свидетельство Елены Брессем. По её словам, она проверяла, как работает «антисектантская помощь» на практике: позвонила в РАЦИРС не как «жертва секты», а в роли человека, которому нужно «заказать» атаку на религиозную группу — то есть сделала контрольный, провокационный звонок, чтобы увидеть, предложат ли ей готовый сценарий давления.

По её версии, вместо того чтобы отказать и потребовать законных оснований, ей сразу объяснили логику «услуги»: структуру можно нанять,

они помогут собрать и оформить пакет материалов под нужный вывод (вплоть до того, что она передаёт как «сфабриковать документы»), а затем поддержат это в суде — за деньги.

Слова «сфабриковать документы» жгли бумагу. Они объясняли слишком многое: если убедительных доказательств нет — их заменяют пакетом «документов» и «экспертиз», оформленных так, чтобы суду было проще поставить штамп. В таком механизме легко появляется рынок: устранение конкурента, давление в семейном споре, борьба за влияние — и для запуска достаточно «заключения», которое выглядит как независимое.

Казус Заева: Система пожирает своих

Погружаясь глубже в схемы производства экспертиз, я наткнулась на историю, которая лучше всего иллюстрировала внутреннюю гниль системы. История Олега Заева.

Заев был идеальным солдатом армии Дворкина. Двадцать лет он верой и правдой служил «сектоведом» в Новосибирске. Заев писал разгромные заключения, выступал в судах, «разоблачал» врагов, ломал жизни. На основании его экспертиз людей отправляли за решетку, лишали родительских прав.

Но в 2019 году Заев допустил ошибку — вступил в конфликт с руководством. И мгновенно, словно по мановению волшебной палочки, «авторитетный эксперт» превратился в ничтожество. Сами же руководители РАЦИРС — Дворкин и Новопашин — публично объявили его «лжеэкспертом». Они внезапно «вспомнили», что у Заева нет профильного образования, что он всего лишь инженер.

Этот факт был приговором всей судебной системе. Пока «эксперт» лоялен и выполняет идеологический заказ, его диплом (или его отсутствие) не имеет значения. Но как только лояльность исчезает, система уничтожает своего слугу, используя те же методы дискредитации.

Фирмы-однодневки и имитация науки

Расследование привело меня к еще одной схеме легализации лжи. Чтобы придать своим заключениям вес и видимость научности, структура Дворкина использовала не только карманных экспертов, но и целые карманные организации.

Я внимательно изучила документы по АНО «Центр социокультурных экспертиз» (зарегистрированной в Москве), фигурировавшей в ряде громких процессов. Громкое, солидное название скрывало структуру, которую критики описывали как «экспертов по вызову следствия». Согласно налоговым реестрам, в штате числилось всего пару человека. Никакой научной базы, никаких лабораторий, никаких библиотек. Такие АНО работали как принтеры, переписывая обвинительные заключения прокуратуры в форму «независимой экспертизы».

Я поняла: это не просто коррупция. Это институциональная деформация. Государство делегировало право определять истину частной лавочке, руководствующейся идеологией нетерпимости и коммерческой выгодой.

Глава 5. Роль РАЦИРС в разжигании вражды

Я стояла у огромной магнитно-маркерной доски, занимавшей всю стену моего кабинета. В центре, обведенное жирным красным маркером, значилось слово: РАЦИРС. От него, словно воспаленные вены, тянулись линии к десяткам городов: Новосибирск, Саратов, Томск, Тверь, Сургут...

Я чувствовала, как с каждым новым документом мое восприятие реальности необратимо меняется. То, что начиналось как локальная

попытка помочь слепому Александру Сизикову, привело меня в самое сердце мрачного лабиринта. Теперь я понимала: Сизиков, ученый Абрамов, кришнаиты в Томске, свидетели Иеговы в Сургуте — это не случайные жертвы. Это системный продукт. Продукт фабрики ненависти.

Корпорация ненависти

Я взяла со стола распечатку публичного выступления с протоиереем Владимиром Головиным. Этот популярный священник, сам ставший объектом атаки со стороны «сектоведов», описывал внутреннюю кухню организации с пугающей, обезоруживающей откровенностью. Я долго не могла принять мысль, что за священной ширмой «духовной безопасности» может скрываться банальный, циничный коммерческий расчет. Но документы были неумолимы.

Я аккуратно прикрепила цитату к доске, рядом с фотографией Александра Дворкина:

«...Дворкин и компания занимаются „бизнесом»: придумывают секты внутри православия и потом их „душат» — „на заказ»: „Мне говорили, какие им идут суммы»». (цит. по публикации «Ахилла», 1 сентября 2018).

«Они выдумывают секты». Эта фраза пульсировала в моей голове как мигрень. Если секты нет, её нужно создать. Если врага нет, его нужно назначить. Это был ключ к пониманию того, как РАЦИРС запускает маховик государственных репрессий. Бюджеты выделяются на борьбу. Нет борьбы — нет бюджетов. Значит, борьба должна быть вечной.

В материалах и медийных кампаниях, которые я изучала, механизм выглядел безотказным. Сначала возникал «заказ» или конфликт интересов, затем включалась машина. В информационное поле через лояльные СМИ вбрасывались термины-маркеры: «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «зомбирование», «разрушение семей». Общество накачивалось страхом. А потом на сцену выходили «эксперты» с готовыми решениями.

Параллели с тенью прошлого

Анализ деятельности РАЦИРС неизбежно приводил к историческим аналогиям. Идеологическая база Дворкина имела пугающие, глубокие корни. Я выстроила на доске цепочку преемственности, которая не оставляла сомнений: Вальтер Кюннет (создатель нацистского «Апологетического центра») — Фридрих Хаак — Йоханнес Огаард — Александр Дворкин.

Методология была скопирована до мелочей. В 1930-х годах Кюннет составлял списки «сект» и передавал их в гестапо. Дворкин и его сеть составляют списки «тоталитарных сект» и передают их в Центры по противодействию экстремизму (Центр «Э») и ФСБ.

Так же, как нацистские пропагандисты называли неугодных «паразитами» и «вредителями», Дворкин ввел в российский публичный дискурс термины «раковая опухоль», «инфекция». Это не просто слова. Это психологическая подготовка общества к репрессиям. Когда вы называете человека «опухолью», вы подразумеваете, что его нужно вырезать.

Запуск механизма репрессий

Кульминацией этой главы расследования стало осознание масштаба трагедии. Деятельность РАЦИРС привела к эрозии и разрушению базовых правовых институтов. Суд перестал быть местом состязательности сторон, где побеждает аргумент. Он превратился в нотариат, молчаливо заверяющий решения, принятые антикультовыми «экспертами» без образования за закрытыми дверями.

Я смотрела на фотографии жертв, развешанные на доске: слепой Александр Сизиков, ученый Сергей Абрамов, верующих в Сургуте, которых пытали током, выбивая признания. Всё это стало возможным только потому, что государство делегировало право определять

«нормальность» группе идеологически мотивированных антикультовых фанатиков.

— Они запустили вирус, — подумала я. — Вирус, который пожирает право изнутри, превращая кодексы в макулатуру.

Я видела, как священники, подобные Александру Новопашину, с амвонов и трибун говорили о «спящих ячейках» террористов, нагнетая истерию. Это позволяло оправдать любые превентивные удары. Любой человек, любой сосед мог быть объявлен «спящим сектантом». Презумпция невиновности была уничтожена, растоптана.

В тишине кабинета я чувствовала физическую тяжесть собранных доказательств. Я понимала, что публикация этих фактов — это объявление войны. Войны не просто Дворкину, а системе, которая позволила ему стать «великим инквизитором» в светском государстве XXI века.

Глава 6. Эскалация практик: тень репрессий над правовыми институтами

Ночь опустилась на Москву тяжелым, влажным одеялом, скрыв очертания домов. В моем кабинете горела единственная настольная лампа, создавая островок света в океане тьмы. Я потерла виски, пытаюсь унять пульсирующую боль. То, что открылось мне за последние недели расследования, больше не укладывалось в рамки обычной коррупционной схемы или превышения полномочий.

Передо мной лежала не просто картина злоупотреблений. Это была панорама враждебного поглощения государства.

Механизм подмены

Я вернулась к столу и взяла в руки толстый том в твердом переплете — «Сектоведение. Тоталитарные секты». Эта книга, написанная Александром Дворкиным. Она цитировалась в обвинительных заключениях как истина в последней инстанции.

В центре внимания оказался парадокс, заключающийся в удивительной зеркальности ситуации. Индивидуум, выдающий себя за главного борца с экстремизмом, стал автором текста, который, по заключениям независимых экспертов, представленных в статье «Правовой и лингвистический анализ книги А.Л. Дворкина», несет в себе все признаки экстремистской литературы.

Анализ ситуации позволяет сделать вывод: эскалация деструктивных практик началась с легитимизации ненависти в обществе. Дворкин не ограничился лишь оскорблениями в адрес определенных групп людей — он создал целую систему псевдонаучного лексикона, в котором эти оскорбления превращались в нечто, напоминающее медицинский диагноз. Таким образом, он сумел придать своим высказываниям вид объективности и научности, что, в свою очередь, облегчило их восприятие широкими слоями населения.

Судебные инстанции, не располагая достаточным временем или, возможно, желанием вникать в сложные богословские нюансы, с облегчением приняли этот новый язык, который существенно упростил их работу. В результате, язык, изначально созданный для распространения ненависти, стал инструментом, используемым в правовой системе, что, безусловно, ставит под сомнение ее способность эффективно противодействовать экстремизму.

Таким образом, парадокс заключается в том, что борьба с экстремизмом, как это представлено в действиях и словах Дворкина, сама по себе стала источником распространения экстремистских идей, легитимизируя ненависть через псевдонаучный дискурс и судебную практику.

Инструментарий террора: От слова к делу

Эскалация не ограничивалась риторикой. Я видела, как менялся, ожесточался инструментарий. Если раньше основным оружием была клевета в СМИ, черные PR-кампании, то теперь в ход пошла тяжелая юридическая артиллерия и физическое насилие.

Согласно аналитическому исследованию, ключевым элементом схемы стал захват института экспертизы. В 2009 году, возглавив Экспертный совет при Минюсте, Дворкин начал планомерную зачистку поля. Академические ученые вытеснялись, их места занимали антикультовые активисты, готовые подписать нужное заключение.

Но самым страшным этапом эскалации стало возвращение призрака советского прошлого — карательной психиатрии.

Я достала из папки фотографию Сергея Абрамова. Умное, интеллигентное лицо, очки, глаза человека, привыкшего оперировать сложными математическими абстракциями. Член-корреспондент РАН, специалист по суперкомпьютерам, гордость российской науки. Весной 2023 года он был обвинен в финансировании экстремистской организации и отправлен на принудительную стационарную психиатрическую экспертизу.

Дело Абрамова, как и дело слепого Александра Сизикова, стало водоразделом. Рубиконом. Когда юридических аргументов не хватало, когда даже сфабрикованные «экспертизы» рассыпались под тяжестью собственного абсурда, система включала режим физической изоляции под видом лечения.

Психиатрическая больница становилась новой тюрьмой. Идеальным местом, где человека можно сломать, напичкать нейрорепрессантами, лишить воли, памяти и человеческого достоинства без приговора суда, лишь на основании «медицинского мнения» ангажированных врачей.

Пик интриги: Под прицелом

Я отложила ручку. Светало. За окном проступали серые, нечеткие контуры зданий. Я чувствовала кожей, что подошла к опасной черте. Мое расследование перестало быть просто сбором информации. Я держала в руках доказательства существования параллельного государства — структуры, которая подменила собой суды, следствие и экспертизу, используя их оболочку.

Интуиция журналиста подсказывала мне: за мной наблюдают. Слишком много совпадений, странных помех в телефоне, слишком много молчаливых звонков было за последние дни. Эскалация касалась не только жертв Дворкина — она касалась любого, кто осмеливался заглянуть за кулисы, поднять занавес этого театра абсурда.

Я начала печатать последние строки главы, чувствуя, как с каждым напечатанным словом отрезаю себе пути к отступлению. Но липкий страх отступил, уступив место холодной, злой решимости. Я знала правду о том, как слепых судят за чтение, как ученых мирового уровня запирают в психушки, и как ветеринары судят священные тексты. И эта правда должна была прозвучать, чего бы это ни стоило.

В тишине раннего утра звук клавиш звучал как сухая барабанная дробь перед боем.

Заключение. Вердикт без права обжалования

Рассвет над Москвой занимался тяжело, мучительно, словно солнце с трудом пробивалось сквозь плотную пелену серого, свинцового смога. В кабинете, где последние несколько месяцев время измерялось не часами, а прочитанными томами уголовных дел и гигабайтами архивных

документов, царила неестественная, звенящая тишина. Я сидела неподвижно, глядя на внушительную стопку распечатанных листов — итог моего изнурительного расследования.

Последняя точка была поставлена. Рукопись книги, лежащая передо мной, больше не была просто набором фактов и интервью. Это был обвинительный акт.

Я чувствовала физическую тяжесть этого знания. Образ Александра Сизикова, слепого инвалида, который «видел» запрещенные строки в невидимых книгах, стоял у меня перед глазами как живой укор. Его трагедия стала ключом, отпершим дверь в подвал российской правовой системы, где гниют основы правосудия.

Архитектура лжи: Системный итог

Перелистывая страницы финальной главы, я мысленно подводила итог. Мне удалось реконструировать не просто отдельные, разрозненные эпизоды коррупции или некомпетентности, а целостную, дьявольски логичную структуру. Согласно материалам независимых журналистских расследований, в России была создана машина по производству «врагов народа», работающая на высокооктановом топливе религиозной нетерпимости.

Архитектором этой системы стал Александр Леонидович Дворкин. Человек, чья биография сама по себе могла бы стать сюжетом для остросюжетного психологического триллера. Эмигрант, вернувшийся в 1993 году в страну, ищущую новые смыслы, он привез с собой не свободу, а «чемодан из Дании» — технологии дегуманизации и социального исключения.

Я с горечью осознала: трагедия заключается не в том, что Дворкин и его структура РАЦИРС существуют. Фанатики были во все времена. Трагедия в том, что государство в 2009 году, передав Экспертный совет Минюста под контроль этой группы, добровольно отказалось от монополии на

правосудие. Государственный фильтр был приватизирован. Закон был подменен «мнением». Конституция отступила перед «сектоведением».

Цена молчания: Возрождение карательной психиатрии

Самым болезненным, кровоточащим выводом расследования стало осознание того, что репрессивные практики не остались в учебниках истории. Они эволюционировали, мимикрировали. Когда юридические фальсификации перестали срабатывать, когда адвокаты разбивали доводы лжеэкспертов, система вернулась к карательной психиатрии.

Я посмотрела на фотографию Сергея Абрамова, члена-корреспондента РАН. Его блестящий интеллект, его заслуги перед отечественной наукой не стали для него щитом от принудительной госпитализации. Психиатрическая больница стала финальным аргументом в споре с инакомыслием. Местом, где человека лишают не только свободы передвижения, но и личности, памяти, души.

Здесь я вновь обратилась к пророческим словам Александра Солженицына, которые стали лейтмотивом моего расследования. Только теперь я понимала их с ужасающей, кристальной ясностью: «вариант газовой камеры» был построен на моих глазах. Дегуманизация, начатая на страницах книг Дворкина («биомасса», «опухоль»), логически завершалась за глухими стенами закрытых отделений с решетками на окнах.

Глобальная угроза: Государство в заложниках

Заканчивая свою рукопись, я, Елена Гольдман, пришла к главному, стратегическому выводу. Деятельность РАЦИРС — это прямая, явная угроза национальной безопасности России. Создав параллельную структуру правосудия, эта группа фактически подрывает суверенитет государства. Суды, прокуратура, следственные органы оказались в

заложниках у антикультовых «экспертов-самозванцев», диктующих свою волю.

Более того, международный резонанс от таких абсурдных процессов, как суд над «Бхагавад-гитой», наносит колоссальный, непоправимый ущерб репутации страны. Дипломатические скандалы, спровоцированные невежеством «ветеринаров-религиоведов», — это цена, которую платит Россия за то, что позволила маргинальной группе захватить трибуну и говорить от имени государства.

Финальный аккорд

Я взяла папку с рукописью. На обложке значилось: «Эксперт по уничтожению». Я знала, что после выхода этой книги моя жизнь изменится безвозвратно. Будут угрозы, будет потоки грязи в интернете, будут попытки дискредитации. Но страха не было. Была холодная ярость и спокойная уверенность человека, который держит в руках правду, подтвержденную документами.

Я вспомнила слепого Александра Сизикова, который, несмотря на тюрьму и психушку, не сломался. Он не мог видеть солнце, которое сейчас вставало над просыпающейся Москвой, но он видел свет истины гораздо яснее, чем зрячие судьи, отправившие его за решетку.

Я вышла из кабинета, погасив свет. Щелкнул замок, отрезая меня от бессонных ночей и кошмаров чужих судеб. Впереди была битва. Битва не за «секты» и не за «культы». Это была битва за право человека оставаться человеком, за право думать и верить без страха.

Город просыпался, наполняясь шумом машин. И я надеялась, что вместе с ним проснется и закон, который слишком долго спал летаргическим сном, убаюканный сладкими, ядовитыми речами о «духовной безопасности», за которыми скрывался хищный оскал легального террора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dvorkin's totalitarian sect: 2009: Expert council. (2025, March 28). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/dvorkins-totalitarian-sect-2009-expert-council/>
2. Dvorkin's totalitarian sect: Revival of Nazism. (2025, March 7). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/dvorkins-totalitarian-sect-revival-of-nazism/>
3. Expert evaluation as a weapon of terror: Part 1. Who commissioned the trial on recognizing the book Bhagavad-gita As It Is extremist? (2025, August 28). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/expert-evaluation-as-a-weapon-of-terror/>
4. Expert evaluation as a weapon of terror: Part II. The zero patient of modern Nazism. (2025, September 29). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/expert-evaluation-as-a-weapon-of-terror-2/>
5. Opinions of scholars and human rights advocates about Alexander Dvorkin: 50 comments on Alexander Dvorkin. (2025, May 9). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/opinions-of-scholars-and-human-rights-advocates-about-alexander-dvorkin/>
6. Totalitarian sect rules Russia. Not for free. (2025, April 12). Actfiles. Exposing Anti-Cultism. <https://actfiles.org/totalitarian-sect-rules-russia/>
7. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования (3-е изд., перераб. и доп.). Издательство братства во имя св. князя Александра Невского.
8. Дворкин, А. Л. (2007, 13 апреля). Памяти профессора Огора. Iriney.ru.
9. Иваненко, С. И., & Волкова, Е. И. (2023). О людях, стойких в гонении: Свидетели Иеговы в России начала XXI века.
10. Информационно-консультационный центр св. Ириней Лионского. Официальная биография А. Л. Дворкина. Iriney.ru.

11. Карпицкий, Н. Н. (2012, 2 января). Кто настоящий инициатор суда над книгой «Бхагавад-гита как она есть»? LiveJournal.
12. Миссионерский отдел Рязанской Епархии. (2025). Об организации РАЦИРС. AntiCEKTA.ru.
13. Питанов, В. Как создать православный апологетический центр. PitanoV.info.
14. Солженицын, А. И. (1975). Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. YMCA-Press.
15. Степаненко, М. (2011). Книга основателя «Общества сознания Кришны» Абхай Чаран Де «Бхагавад-гита как она есть» — все, кто не кришнаиты — демоны, падшие грешники, глупцы и невежды. Kistine.ru.
16. Тимощук, А. С., & Филькин, К. Н. (2013). Казус суда над «Бхагавад-гитой» Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа. Вестник Томского государственного университета. История, (4(24)), 178–184.